

В 2009 году журнал *ТОПОС* проводил конкурс научных работ для студентов старших курсов и выпускников белорусских вузов по философско-культурологическим и социально-гуманитарным специальностям. На рассмотрение принимались работы в области истории философии, философской антропологии, социальной теории и культурной аналитики.

В данной рубрике мы публикуем три лучшие работы этого конкурса.

ФУКО vs ХАБЕРМАС: О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПОЛЕМИКИ

Андрей Комаровский¹

Abstract

The polemics between Foucault and Habermas is considered in the article. The author tends to state the foundations of the polemic logic of Habermas as well as of his pragmatics. The subject of the polemics is the critique and self-regulation, considered as the integral elements of the practices themselves. But who, accounting for itself, by what procedures and by which guarantees is able to keep the sound mind? In the long run, the question is what is (are) the framework(s) of the execution of rationality which are allowed by modern disposition-dilemmas of heterotopy and heterochrony of power («activity»), history («time») and community («subject»). Since the social critic thought is called to investigate these problems it is the utmost modern enterprise.

Keywords: the polemics between Foucault and Habermas, the logic of reason, rationality, modernity, heterotopy and heterochrony.

Рабиноу П.: «Почему вы держитесь на расстоянии от полемики?»
Фуко М.: «Я охотно дискутирую, а на вопросы, которые мне задаются, я стараюсь отвечать. Я неохотно, это правда, участвую в полемиках»².

¹ Андрей Комаровский – магистрант Института подготовки научных кадров Национальной академии наук (г. Минск, Беларусь).

² Foucault M. *Polemik, Politik und Problematisierungen* // Foucault M. *Dits et Ecrits. Band IV: 1980-1988*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. S. 724.

Контроверза Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса является образцовым примером длительной и богатой традиции франко-немецкой дискуссии. Проблематика этой дискуссии достигает предельных культурных оснований, гарантирующих как специфическую автономию, так и восприимчивость соседствующих проектов мироустройства – наличных и утопических. Как нам кажется, с высот прирейнских холмов было очевидно, что Фуко дерзнул вступить на немецкую философскую территорию Франкфуртской школы в качестве оппонента-наследника. «Наглость» его *civilité* не знала никакой *Kulturgrenze*: поле проблематизаций раскинулось от этико-политического вопроса о Просвещении у Канта и прусской *Polizeiwissenschaft* до травматичной диалектики нацизма и немецкого неолиберализма. При всем уважении философа к философу такой «счастливый позитивизм» стал предметом взаимной критики мэтров и последовавшей полемики приверженцев Хабермаса и Фуко.

Однако стоит отметить один занимательный момент. Фуко и Хабермас не полемизировали, если мы имеем в виду двух персонажей, однажды встретившихся в Париже. Фуко держался от полемики на расстоянии, ввиду чего, быть может, «семинар, который планировался в Америке в начале 1980-х и замыслом которого было как раз полемическое столкновение этих двух философов, так и не состоялся»³. Для Фуко игра в полемику исключает полагание условий взаимного обсуждения специфических вопросов.

«В серьёзной игре вопрошания и отвечаия, в работе взаимного прояснения права каждого являются в известной мере частью дискуссии»⁴.

Иное дело театральная игра полемиста.

«Для него, следовательно, игра состоит не в том, чтобы признать его (партнёра. – А. К.) как субъекта, обладающего правом на слово, а чтобы аннулировать его как партнёра по разговору в каждом возможном диалоге, и его же конечной целью станет не приближение к тяжёлой истине, насколько это ему удастся, а триумф справедливости, чьим очевидным носителем он изначально является»⁵.

Таким образом, полемику развернули последователи, тщательно выделяя выгодные стороны концепций соответствующих авторов-функций, отстроенных на разнородном текстуальном материале.

³ Фурс В.Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // *Логос*. 2002. № 2 [Электронный ресурс] // *Ruthenia*. Объединённое гуманитарное издательство. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm, свободный. Загл. с экрана. Дата доступа: 28.08.2009.

⁴ Foucault, op. cit., S. 724.

⁵ Ibid., S. 725.

Автор данной работы не лишён определённого полемиического настроения и в первую очередь намеревается избирательным образом пересечь поле полемики. У нас недостаточно средств и обзора, чтобы встать над схваткой, ввиду чего в последующем мы ограничимся выделением определённой совокупности диспозиций с целью анализа прагматики и логики развёртывания полемики. Итак, сейчас мы попытаемся реконструировать некоторые линии разломов, учреждающих непреодолимые разрывы для дления полемики. Владимир Фурс выделяет три точки разрыва, заявленные Хабермасом в «свирепой критике» Фуко образца эпохи *Надзирать и наказывать*.⁶

Во-первых, это презентизм фукианской историографии, делающий исследователя несвободным от влияния текущей, современной ситуации, а в радикальной формулировке – не позволяющей выйти за рамки наличных установок мышления, отсекающего от аутентичного понимания прошлого и замыкающего внутри модернизирующих искажений в толковании. О прошлом-де дано знать не более, чем позволяет настоящее. Более того, отстраивание истории по эпохам, укладывающимся в пред-современность, есть непременно следствие методологической необходимости: чтобы сравнивать диахронические дискурсивные порядки, нужно расположить эти сингулярности на такой поверхности, которая, образуя общий (читай: однородный, гомогенный) фон, позволит поместить их в единую систему координат, соотносить между собой и *сравнивать*. Сделав этот шаг, нельзя не решиться на имплицитное полагание трансэпохальной связности, гарантирующей непреходящий и вневременной характер подлинного предмета анализа – власти. Такой порядок дискурса венчается словом, которое по обе стороны полемики воспринималось в качестве наиболее оскорбительного, – трансцендентализм.

Во-вторых, разлом вытекает из неизбежного релятивизма, выводимого из автореференциального отрицания универсальных притязаний на значимость. Эмпирический анализ дискурсивных практик нацелен на представление дискурсов как элементов властных технологий: всякое знание, производимое в дискурсах, вовлекается в отношения власти. Как может генеалогия, берущая в скобки нормативные основания дискурсов, выступающих подоплекой Власти, заявлять о собственной способности находиться вне всяческих скобок и быть свободной от Власти? Здравая логика запрещает утверждать одновременно о наличии и отсутствии определённого признака у одного и того же предмета. Генеалогия выбивает почву из-под собственных ног.

В-третьих, Фуко не заявляет чётких нормативных оснований собственного анализа, но при этом осуществляет критику различных дисциплинарных технологий, разворачивающихся на телах индивидов. Но как можно рассчитывать на сопротивление и осво-

⁶ Фурс, указ. соч.

бождение от дисциплины тех, у кого они уже в теле, а не в сознании? Как различить бессознательную дисциплину господства от сознательной дисциплины свободы, если не установлены нормативные основания – если нет устойчивого критерия различания истины и идеологии, от которого отказывается Фуко, анализируя дискурсы, ориентированные на истину? Без такого установления анализ неизбежно становится криптономативным.

Без сомнения, данные аргументы Хабермаса правомерны в рамках той логики, которую он использует и которая, позволяя выносить достаточно весомые критические суждения, используется в различных модуляциях. Эта логика – назовем её логикой (достаточно) основания – в одном случае используется для воссоздания у Фуко черт герменевтической установки, разделяющей документ и его основание/исток/контекст в порядке онтологии (переживание и выражение, действительность и факт, история и событие) и осуществляющейся посредством выявления тех или иных версий функциональной связи-связанности между ними в порядке методологии. Герменевтика работает с документами как со свидетельствами, а не с памятниками, ввиду чего истина содержится в том действительном и порождающем основании, которое всегда уже в прошлом, но от которого в настоящем остались «выражения» и следы, требующие их экспертизы на достоверность репрезентации. Квалификация неполноты в данности прошлого (соответственно, всегда недосказанности в документе) в качестве свидетельства является способом учредить нераскрытую глубину, «второе дно» в свидетельстве.

Повторение этой логики имеет место, когда Хабермас заявляет, что анализ дискурсов Фуко подобен «функционалистски действующей и исторически ориентированной социологии знания»⁷, которая должна «объяснить горизонт, в пределах которого подобные проявления вообще могут появляться как осмысленные, из лежащих в основе практик»⁸. А эмпирический анализ Фуко, подступающий к явлениям необходимо внешним образом (по цепочке «неполнота данности прошлого – недосказанность в документе – внешняя, не-внутренняя позиция»), останется без смысла, он будет иметь дело с бессмысленными практиками и бессмысленной историей. Логика основания руководит также представлением Хабермаса об отношениях власти и знания, где власть «пользуется» знанием, чтобы обосновать себя, а знание полностью производно от власти.

В таком прочтении Фуко попадает в ряд структуралистов, стремящихся вычленить сверхиндивидуальные структуры, действующие «за спинами» у индивидов, активность которых подобна функционированию технического автомата. Хабермас не может допустить такого «оболванивания» человека, так как держит рамки сознательной общественной эмансипации каждого, наученного

⁷ Фурс, указ. соч.

⁸ Там же.

способности к осмысленной самости. В последующей полемике «восставшие фукианцы» вычленили специфическую прагматику Хабермаса и лишали достаточных оснований его критические аргументы. Учитывая аргументы фукианцев, мы проведём исследование прагматики «свирепой критики» Хабермаса.

Во-первых, обвинение в презентизме стало инобытием желанной цели изысканий самого Хабермаса – возможности иной современности и критики, выводящей за рамки догматизировавшейся современности. Ввиду этого важно заключить Фуко в современности без возможности выйти за её рамки. Однако Фуко рассматривал современность не как эпоху, в которую мы помещены как заключённые, а как установку, с помощью которой отстраивается действие в актуальный исторический момент, т. е. рефлексивное отношение ко времени и истории, столь специфическое для модерна. «Презентизм» Фуко не замыкает нас в современности в смысле онтологической ограниченности современностью (и неизбежной её универсальности за отсутствием выхода во внешнее современности), но допускает критику догматизированной рациональности и поиск иного порядка истины. Не замыкает он и в смысле методологической ограниченности современностью (с неизбежностью модернизации и в этом случае бессмысленности осовремененного прошлого), но допускает исторический анализ рефлексий на материале имеющихся дискурсивных памятников, принадлежащих современности, которая отстраивалась из порядка некоего отношения к самой себе.

Во-вторых, Хабермас указывает на авторефененциальный релятивизм, когда утверждает, что анализ дискурсов подобен функциональной социологии знания и так же не может освободиться от властных эффектов, скрытых в анализируемом знании. Желанный анализ дискурса как чистой практики, провозглашённый в *Археологии знания*⁹, невозможен, потому что нельзя выйти полностью во внешнее знания и дискурса, обустроив там объективную по отношению к нему рефлексивную позицию. Бесспорно, что Фуко проводил различие между властью и господством (как модуляции власти), что признавал наличие «хорошей» власти, с помощью которой «индивидуумы пытаются руководить, определять поведение других»¹⁰, при этом – поведение осмысленное и добровольное, значимое из индивидуально преследуемой перспективы призванности, полезности, прибыльности и т. п. Господство не иррационально.

Однако нам важнее рассмотреть отношения власти и знания. Власть и знание следует рассматривать в стратегической сцепке, примеры которой запечатлены в дискурсе. Мы не можем ограничить дискурс областью сказанного или написанного, представленного как знание, поскольку в него входит и «система первичных, или реальных, отношений и система вторичных, или рефлекс-

⁹ Фуко М. *Археология знания*: Пер. с фр.; под общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. С. 47.

¹⁰ Фурс, указ. соч.

сивных, отношений, которые мы могли бы назвать собственно дискурсивными»¹¹. Внутри дискурса, вбирающего в себя и трансформирующего отрефлексированные области действительности, учреждается определённый порядок истинного и ложного, определяющий условия производства действительности на основании стратегических сцепок знания и власти, обустроенных и актуализируемых в действительности сообразно этому порядку в дискурсе. Иными словами, внутри таких дискурсов, «которые сами совершают на себе работу (an sich selbst eine Arbeit vollziehen), видящую их цель в “высказывании истины”»¹², полагание действительности происходит в процессе дискурсивно организованного высказывания. Поэтому дискурс есть не просто выражение-высказывание уже имеющихся до него и оторванных от него внедискурсивных отношений (знания и власти для функционалистски ориентированной социологии знания), а является неотъемлемым условием возможности отношений власти-знания. Таким образом, в случае Фуко функционалистская схема, производная от логики основания, не имеет места и не служит основанием для вывода об автореференциальном релятивизме. Напротив, Фуко преследует стратегический анализ.

Стратегический анализ порывает со всякими версиями телеологизма и заговора, понуждающими выводить из феноменов фигуры трансисторической власти. Например, анализируя становление концепта населения, Фуко отмечает эту особенность стратегического анализа. Анализ нужно проводить

«не в форме, состоящей в том, чтобы сказать: правящие классы, открыв, наконец, значение населения, послали в этом направлении естествознателей, которые затем мутировали в биологов, грамматиков, которые потом трансформировались в филологов и финансистов, ставших политическими экономами. Не в этой форме, а в следующей: это нескончаемая игра между техниками власти и их объектом, которые постепенно, в реальном и в качестве поля реальности, заложили население и его специфические феномены. С момента конституирования населения как коррелята властных техник можно видеть, как открылась целая серия предметных областей для возможных видов знания»¹³.

Произведённая в рамках различных дискурсов стратегическая сцепка знания и власти, слов и дел образует сложный комплекс власти-знания, заигранный в образованных практиках.

¹¹ Фуко, указ. соч., с. 46.

¹² Foucault M. *Das Leben: Die Erfahrung und die Wissenschaft // Foucault M. Dits et Ecrits. Band IV: 1980-1988.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. S. 952.

¹³ Foucault M. *Geschichte der Gouvernementalität I. Sicherheit, Territorium, Bevölkerung. Vorlesung am Collège de France 1977–1978.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. S. 120.

В-третьих, тезис о криптономативности критикует манифестируемую свободу от нормативных оснований, на которую притязает «счастливый позитивизм», выходя во внешнюю позицию по отношению к анализируемым дискурсам и практикам. Такой анализ, по словам Хабермаса, есть не что иное, как радикальная критика модерна, которая «хочет *подорвать* модерн и его языковую игру»¹⁴. Сохранить позитивные достижения модерна в области политической теории (способность самокритики и самопреобразования) стало руководящим принципом в работах и Хабермаса и Фуко. Однако сколь схожа цель, столь различны представления о процедурах выполнения этой задачи. Задачей проекта модерна по Хабермасу явилось следующее:

«развить объективирующие науки, универсалистские основания морали и права и автономное искусство в безошибочности собственной логики, но одновременно высвободить когнитивные потенциалы, накопленные таким путём, из их эзотерических высоких форм и использовать их для праксиса, то есть разумного устройства жизненных отношений»¹⁵.

Здесь мы видим принципиальную проблематичность единства модерна: расщеплённость разума на различные формы (в политике, экономике, искусстве и т. д.), а также расщеплённость между просвещёнными и непросвещёнными. Обе эти особенности явились исходным пунктом политического проекта современного общественного строя, стремившегося к солидарности, интеграции, связи, объединению через Просвещение. Если претензия модерна была благой, то исполнение принесло зло: колонизация жизненного мира системой обернулась отчуждением и свела «утопию побратания к критическому отражению необратимости (Unver-söhntheit) социального мира»¹⁶. Теория коммуникативного действия решала именно эту проблему.

Эта двойственность нашла специфическое выражение в концепции коммуникативного действия: разумность обобществляется через образование коммуникативной компетенции, а обобществление при этом становится возможным как прозрачная и взаимная коммуникация компетентных участников, включение в различные практики. Может показаться, что в таком случае необходимо гипостазировать либо компетенцию в антропологическую способность, intersубъективно гарантированную «жизненным миром» (в описании Хабермаса, расщеплённым системой!), либо научаемую способность, технически воспроизводимую безотносительно ситуации. Однако последователи признавали возможность «ситуационного трансцендентализма», регулирующего не нормативные основания содержания, а нормативные основания самой

¹⁴ Фурс, указ. соч.

¹⁵ Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt // Habermas J. *Kleine Politische Schriften I–IV*. Frankfurt am Main, 1981. S. 453.

¹⁶ Ibid., S. 457.

процедуры коммуникации так, что становится возможным «взаимопонимание между позициями, между которыми сохраняется разногласие»¹⁷. Тогда становится возможной процессуально-процедурная коммуникативная рациональность, допускающая универсализацию.

Внимательный взгляд на ход полемики может зафиксировать ситуацию, в которой разворачивается старый спор об универсалиях, где «один ряд сущностей, являющихся продуктом гипостазирования, просто заменяется на другой: единое на множественное, всеобщее на частное, тождество на различие, разум на “Другое разума”, логическая сущность языка на гетерологическую сущность речи и т. д.»¹⁸. Сколь бы абстрактными ни казались теоретические изыскания, они направлены на вполне практические задачи: разметка поля социальности на сферы подчиняющего господства и конституирующей социальности власти/консенсуса, основанных на порядке истины/нормативности, а также возможность критики и борьбы с господством. (Сообща или индивидуально?) Эта разметка в случае Хабермаса и Фуко действительно строится на различных прагматиках и разных концептуальных языках. Но при этом

«во французской истории науки, как и в немецкой критической теории, речь идёт в итоге о том, чтобы проверить разум, чья структурная автономия сопряжена с историей догматизмов и деспотизмов, тот разум, который обладает эффектом освобождения, когда ему удаётся освободиться от себя самого»¹⁹.

Установка на различные версии «единства» как концепт для проблематизации «случая» модерна – будь оно субстантивно гарантировано в статичной (как предпосылаемая способность понимать всяческие содержания) или процессуальной форме (как способность к прозрачной коммуникации по поводу всяческих содержаний) – есть фундаментальная родовая травма мессийного левостороннего мышления. Фуко считает опасным употребление такой логики. Следует избегать всяческого шантажа, требующего окончательно определиться с нормативными основаниями, как если бы без них невозможно осуществлять критику. Хабермас представляет трагедию модерна в его изнанке – *монолитном* процессе колонизации жизненного мира системой, обладающей собственными нормативными основаниями. Если Хабермас видит возможность целостности и устойчивости системы в унифицированности инструментальной рационализации (объективирующей человека), то Фуко предлагает критиковать множественные рассеянные рациональности, опасаясь представлять модерн как процесс какой-либо унифицированной рационализации, осуществляемой властью, и с одним, типичным, местом приложения борьбы с господством разных рациональностей. Всякая рациональность явля-

¹⁷ Фурс, указ. соч.

¹⁸ Фурс, указ. соч.

¹⁹ Foucault M. *Das Leben: Die Erfahrung und die Wissenschaft...* S. 949.

ется *случаем* стратегической сцепки власти-знания через порядок истины в *специфической* практике.

Эта установка на единство (интеграцию, солидарность и т. п.) является специфической концептуализацией социальности.

«Я полагаю, что самый большой фантазм – это идея некоего общественного тела, которое якобы создаётся совокупностью волей. Поэтому что появлению общественного тела способствует не консенсус, а вещественное осуществление власти на самом теле индивидов».²⁰

То есть такое осуществление власти, которое задействует развитые институциональные технологии и индивидуальные техники – определённые порядки истины, которые верифицируются материальными коррелятами, являющимися ничем иным, как воплощениями производственной рациональности таких порядков.

Именно поэтому воздействие власти Фуко представляет как событие в порядке тела, а не разума, что не лишает эти воздействия осмысленности для индивида. Очевидно, что таким образом Фуко пытается покончить с негативными остатками философии субъекта, предполагающей, что для избавления от господства достаточно лишь рационального осознания господства. Власть может господствовать над человеком, неосознанно (бесмысленно или как-то осмысленно – в призвании, традиции и т. п.) объективируя его, превращая в материал её дисциплины. Однако не всякая объективация патологична, если она коррелирует с субъективацией. Поэтому

«существуют дисциплины, установленные по взаимному согласию. ...Подобные исследования, по-моему, ни в коем случае не следует считать какой-то общей аналитикой любого возможного отношения власти»²¹.

Такое представление о фигурах распределения и имплантации власти предполагает и иную стратегию сопротивления.

Таким образом, проведённый анализ возвращает нас к «спору универсалий», однако не в облики формальной онтологии, а как к концептуальному аппарату для выработки исторической онтологии, допускающей отправление практикабельной критики. Мы заступаем на неразмеченную территорию, где в поисках специфической для отдельных случаев свободы нужно зафиксировать и предложить попытки решения проблем гетеротопности и гетерохронности власти, истории и сообщества. И разметка этой территории сулит великие почести: *aut Caesar, aut nihil*.

²⁰ Фуко М. Власть и тело // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*; пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 161.

²¹ Фуко М. Политика и этика: интервью // Фуко М. *Интеллектуалы и власть...* С. 333.